

1 октября на очередном заседании семинара с докладом «Авторские термины в русской религиозной философии: методы и приемы анализа» выступила докторант Института лингвистических исследований РАН **Н. В. Козловская**. На семинаре была также представлена книга «**Авторская лексикография и история слов: К 50-летию выхода в свет “Словаря языка Пушкина”**» (М.: Издательский центр «Азбуковник», 2013).

В выступлении Н.В. Козловской анализировалась философская терминология русских мыслителей конца 19 — начала 20 века, по выражению В.В. Зеньковского, периода «построения систем». Были кратко охарактеризованы основные особенности русского религиозно-философского дискурса: религиозная проблематика, связь с западноевропейским философским текстом, свобода мысли и свобода изложения. Эта свобода диктует особую, свою логику текста, которая определяется в первую очередь конкретным идиостилем.

Ядро метаязыка русского религиозно-философского текста составляет терминосистема (или, точнее, множество терминосистем, соответствующих метадиалектам разных авторов) — то есть в этом отношении русский философский текст типологически соотносим с научным текстом: он вбирает в себя некоторые черты научного стиля, обусловленные преобладанием в этом тексте когнитивной функции в её собственно интеллектуальной разновидности.

Дискуссионным является вопрос о терминологичности таких лексем, как *истина, слово, имя, вера*. Автор причисляет такие лексемы к терминам, поскольку без этой составляющей невозможно представить себе терминосистему данной философии вообще и отдельных авторов в частности. Показателями терминологичности лексемы являются: понятийная составляющая лексемы, вынос в сильную позицию заголовка, позиция ключевого слова.

Еще одна особенность связана с дефинитивностью и дефинированностью терминов философии. Первое понятие предполагает возможность / невозможность строгой дефиниции, а второе — наличие / отсутствие дефиниции. Данные качества многие исследователи считают обязательными для научного термина. В философских текстах русских метафизиков эти свойства проявляются по-разному: как правило, здесь отсутствует строгое определение термина, и можно говорить о том, что вся совокупность контекстов, в которых данный термин встречается, — это развернутое контекстуальное определение.

Поведение философского термина в тексте (наращивание терминологичности) сопоставимо с поведением ключевого слова в художественном тексте (процесс приращения смысла). Кроме того, философскому термину присущ качественный полиморфизм, одним из проявлений которого является многопризнаковость, проявляющаяся, в

частности, в наличии в текстовых дефинициях нескольких (многих) равноправных родовых идентификаторов, соотносящихся с разными сторонами полиморфного термина. Определения этих терминов не подтверждают традиционных представлений о точности значения термина: описание семантики таких единиц строится из полиморфных признаков, допускающих различную интерпретацию. Явление многопризнаковости и роста терминологичности рассмотрено в докладе на примере ключевого термина философии Н.Ф. Федорова «супраморализм».

Авторский характер философской терминологии проявляется в том, что она предлагается от лица конкретного автора, основана на системе понятий, представляющих философское течение, и ассоциируется с творчеством определенного автора. Кроме того, авторский характер определяется новизной конкретной терминологической лексемы с точки зрения лексической семантики и словообразовательной структуры.

В докладе рассмотрена оригинальная типология авторских философских терминов:

термины-окказионализмы: *супраморализм, патрофикация, материократия, братотворение, очужествление, психократия, многоединство, восстание* (все — Федоров);

авторские термины на базе «живого слова»: *родство, братство, неродственность, сыны, отцы, музей, храм, школа, собор* (Федоров), *беспочвенность* (Шестов);

философские лексемы и специальные философские термины многоаспектного характера, оригинально интерпретируемые конкретным философом: (*истина, вера* Шестова, *свобода* Бердяева, *пространство* Федорова). Речь идет о такого рода авторской многоаспектности, которая позволяет историкам философии говорить о «*трех свободах Николая Бердяева*», о разных пониманиях *истины* Львом Шестовым и т. д.;

переосмысленные термины других наук и термины богословия: *пауперизм, социализм, материализм, материократия; Пасха, пасхальный, пятидесятница.*

Окказиональная терминология составляет ядро лексической структуры текстов Н.Ф. Федорова. Центральным термином всей терминологической системы и центральным термином философии Н.Ф. Федорова является многоаспектный термин *супраморализм*, при помощи которого философ обозначил совокупность своих взглядов. Важность понятия обусловила высокую частоту употребления термина в текстах философа: 110. Содержательными аналогами термина являются авторские составные наименования: *всеобщий синтез, учение о воскрешении или, более развернуто, учение об объединении живущих сынов для воскрешения умерших*, а также *Новая Пасха, пасхальные вопросы.*

Слово образовано путем сложения элементов латинского происхождения «супра» и «мораль»: лат. *supra* (над, сверх) и лат. *moralis* (заимствовано

непоср. и через фр. *morale*, нем. *Moral* — данные Словаря русского языка XVIII в.) (нравственность, система правил и норм нравственного поведения). Прозрачная внутренняя форма термина способствует раскрытию философских и этических аспектов учения Н.Ф. Федорова.

Многоаспектность термина и необычная широта и абстрактность обозначаемого им понятия обусловили сложность контекстуальной дефиниции анализируемой единицы. Н.Ф. Федоров последовательно приводит несколько определений термина, раскрывая в каждом из них разные аспекты понятия. *«Супраморализм — это долг к отцам-предкам, воскрешение, как самая высшая и безусловно всеобщая нравственность, нравственность естественная для разумных и чувствующих существ, от исполнения которой, т. е. долга воскрешения, зависит судьба человеческого рода. <...> Супраморализм — это не высшая только христианская нравственность, а само христианство, в коем вся догматика стала этикою (догматы заповедями), и этикою, неотделимою от знания и искусства, от науки и эстетики, которые должны сделаться, стать орудиями этики, само же богослужение должно обратиться в дело искупления, т. е. воскрешения»* (Федоров 1995, т. 1, с. 388–389).

Приведенные примеры еще раз доказывают, что одной из ярких характеристик термина в русском религиозно-философском дискурсе является способность к приращению смысла и связанная с ней определяемость целым текстом. Опуская описание анализа видовых признаков термина *супраморализм*, автор приводит его краткие результаты: *всеобщее возвращение жизни; управление метеорическим процессом, регуляция природных процессов; объединение внешнее через самодержавие; внутреннее объединение — через православие; переход от истории как взаимного истребления к истории как исполнению проекта воскрешения; замена вопроса о всеобщем обогащении вопросом о всеобщем возвращении жизни.*

Патрофикация (от греч. *pater*, лат. *pater* — отец и от лат. *facio* — делаю) — авторский термин Н.Ф. Федорова, то же, что *отцетворение*; автор использует оба термина; частота их употребления в тексте достаточно высока: *патрофикация* — 20, *отцетворение* — 20.

Н.Ф. Федоров различает два вида *патрофикации*: воображаемая (мнимая, мифическая) и действительная, то есть действительное физическое воскрешение мертвых. Первый вид реализуется в эпических сказаниях и верованиях, населяющих небо душами отцов; это есть *«мнимая патрофикация неба»*, в которой выражаются мечты человечества о подлинном воскрешении. Действительная патрофикация, по Федорову, есть *«осязательное доказательство коперниканского мировоззрения»* (Федоров 1995, т. 2, с. 317).

С точки зрения специфики номинации, представляет интерес лексема *патрофагия*, которую мы, вслед за Ю.В. Рождественским, назовем

терминоподобной лексической единицей. Слово не может претендовать на статус философского термина, так как употреблено автором всего один раз: оно создано по аналогии с термином *антропофагия*, который Н.Ф. Федоров использует очень активно в прямом значении: *Книжн.* Употребление в пищу человеческого мяса; людоедство. [Греч. ἄνθρωποφαγία] (МАС).

В докладе приведен текстовый фрагмент, в котором «создается» новое слово путем сложения греческих основ и сразу же приводится русский аналог, образованный поморфемным переводом: «*Что может быть трагичнее положения сынов, вынужденных поглощать отцов! Это даже не антропофагия; это уже патрофагия, отцеедство!*» (Федоров 1995, т. 2, с. 174).

Интерес представляет тот факт, что все три проанализированных термина имеют русский аналог, иногда даже не один. Возможно, это связано с тем, что философские тексты Н.Ф. Федорова предполагают два типа адресата (или обращены от «неученых» к «ученым»), поэтому помимо «ученых» терминов, образованных от латинских и греческих основ, используются русские терминологические лексемы с прозрачной внутренней формой.

Термин *родство* у Н.Ф. Федорова является результатом переосмысления общелитературной лексемы, или, по выражению Н.М. Азаровой, «живого слова». В терминосистеме Н.Ф. Федорова выделяются противопоставленные друг другу синонимические ряды терминов *родство / братство / братственность / родственность* — *неродственность / небратство / небратское состояние*. Первый ряд синонимов объединен значением: «единение, содружество, равенство между людьми в экономических, юридических, сословных, имущественных и иных социально значимых сферах (социальный аспект); регуляция природы посредством совокупного труда, знаний и действий (природный аспект)». Родство в понимании Н.Ф. Федорова — идеальное состояние мира и общества. Ему противопоставляется ряд синонимов, объединенных значением: «реальное состояние мира и общества; отсутствие единения, содружества, равенства между людьми в экономических, юридических, сословных, имущественных и иных социально значимых сферах (социальный аспект); невозможность регуляции природы человеком».

Одно из важных мест в системе терминов Н.Ф. Федорова занимает лексема *пауперизм*: 24 словоупотребления. В словарной статье МАС представлено толкование пауперизма как классового (политического) явления: *Книжн.* Нищета трудящихся масс в условиях классового общества, основанного на эксплуатации. (Нищета — крайняя бедность, нужда).

На основе значения социально-политического термина в идиолекте Н.Ф. Федорова возникают атрибутивные терминологические словосочетания *искусственный (социальный) пауперизм* и *естественный (природный) пауперизм*. *Искусственный пауперизм* — это недостаточность богатства, «экономическая нужда». Видимо, происходит терминологическое сужение

значения общеязыкового слова (исчезает дифференциальная сема «в классовом обществе»). Значение второго термина (*естественный пауперизм*) формируется на основе оттенка первого значения общеязыкового слова *нищета* (пауперизм – нищета): || *перен.; чего* или *какая*. Крайняя недостаточность, скудость чего-л. (МАС). *Естественный пауперизм* в философии Н.Ф. Федорова есть крайняя недостаточность времени бытия человека на земле (по выражению С.Г. Семеновой, «*радикальная необеспеченность человека жизнью*»), а также крайняя недостаточность питания и здоровья в пределах данного человеку короткого земного существования: «...первопричина социальной, экономической нужды — естественный пауперизм рода человеческого: голод, болезнь, смерть...» (Федоров 1995, т. 4, с. 530).

Таким образом, происходит переосмысление социально-политического понятия «пауперизм» и формирование на его основе двух философских составных терминов, которые, наряду с термином *воскрешение*, являются очень важными для понимания задач «Общего дела», сформулированных Н.Ф. Федоровым.

Явление переосмысления философских понятий иллюстрируется на примере термина *истина* в философии Льва Шестова: из прямых утверждений автора и из анализа текстовых окружений слова *истина* можно вывести четыре понимания этого слова, которые условно можно обозначить так: 1) обыкновенная истина; 2) истина-догма; 3) индивидуальная истина; 4) последняя истина.

Значение первого термина («*обыкновенная истина*») отражает эмпирический характер непреложных данных опыта или объективность закономерностей физического мира: «*огонь жжется*». Истина факта менее всего интересует Льва Шестова, поэтому контекстов употребления термина в этом значении в его текстах почти не встречается.

«*Истина-догма*» носит абстрактно-логический, собственно философский характер. К таким истинам относятся философские обобщения, известные постулаты, а также глобальные обобщения эмпирических наблюдений. Эти истины составляют ту самую «почву», которую Шестов так неистово отвергает в своем «Апофеозе», выступая против истины выводного знания, отрывающегося от реальности бытия (для философа очень важно: «*Заподозрить логику значит заведомо обречь себя на уход истины*»). Семантика термина у Шестова включает такие составляющие, как: *необходимость и общеобязательность* (оцениваемые автором термина негативно); *принудительный характер* (общество «навязывает» эти истины человеку); *связь с разумом, мышлением и логикой* (а не с верой и откровением); *теоретический характер; авторитарность; порядок; «связь с идеей определенного принудительного, неизменного порядка»; приоритет выводного знания, заключения.*

Третий термин можно обозначить как «*индивидуальная (или личная)*

истина». Семантические составляющие значения этого термина таковы: *экзистенциально-личностный характер, связь с личным духовным опытом человека; временный (или кратковременный) период существования; отсутствие связи с аргументацией, ненужность аргументации и доказательств; превалирование эмоционального начала над рациональным; обман, парадокс, беспорядок; «прозрение, сделанное в минуту вдохновения».*

Наиболее сложным в смысловом отношении и в то же время наиболее значимым в системе философских воззрений Шестова представляется четвертый термин, который условно можно обозначить как *«последняя истина»*. Ядерные компоненты значения таковы: *цель философии («то, чего ищет философия»); самое важное для людей; отсутствие оснований, почвы (беспочвенность); внезапный характер проявления.*

Сложности изучения и последующего лексикографического описания философских терминов могут быть обусловлены наличием в языке соотносительных единиц, терминологического и нетерминологического планов. Так, например, можно говорить о формировании в русском языке ряда соотносительных лексем *византизм* и *византинизм* в следующих значениях:

- нейтральный собственно исторический и/или культурологический термин, допускающий дублетную синонимию (*византинизм* и *доп. византизм*), традиционно используемый в научном (история, история философии, история церкви, культурология) дискурсе;
- паронимический авторский философский термин К.Н. Леонтьева *византизм* с подчеркнута позитивной коннотацией, ограниченный религиозно-философским дискурсом Леонтьева;
- интерпретационные варианты термина *византизм* с негативной коннотацией у философов – критиков концепции Леонтьева; авторский термин *византизм* и его интерпретационные варианты используются в философском и религиозно-философском дискурсах оппонентов Леонтьева;
- слово *византийство*, утратившее характер термина, значение — производное от исторического термина (деспотизм, разврат, лезть...); сфера использования — публицистический дискурс, язык художественной литературы, критика;
- слова *византизм* и *византинизм*, употребляющиеся в публицистическом и художественном дискурсах с тем же значением, что у слова *византийство*.

В употреблении этих единиц и, в частности, научного и философского терминов, наблюдается непоследовательность и путаница. Для подобного смешения — крайне нежелательного в научном дискурсе — есть основания: близкие по семантике и по звучанию термины появились в языке почти одновременно. Добавим также, что некоторые исследователи признают различия в значениях терминов *византизм* и *византинизм*, однако

большинство авторов употребляет эти лексемы как однокоренные синонимы, отдавая явное предпочтение более краткому и благозвучному *византизм*. Наличие соотносительных терминов должно быть отражено в лексикографическом описании слова.

Сложность и многоаспектность семантики авторских философских терминов обуславливает особый характер их словарного представления, в котором должны быть учтены различные лексикографические параметры: орфографический облик слова (в редких случаях наблюдается вариативность написания); ударение; тип термина; предполагаемый автор; толкование; иллюстрации. Кроме того, лексикографическое описание терминов должно строиться с учетом их смысловых связей в лексической структуре текста и в терминологической системе конкретного автора — следовательно, слова — члены одной лексической парадигмы должны быть представлены в одной словарной статье.